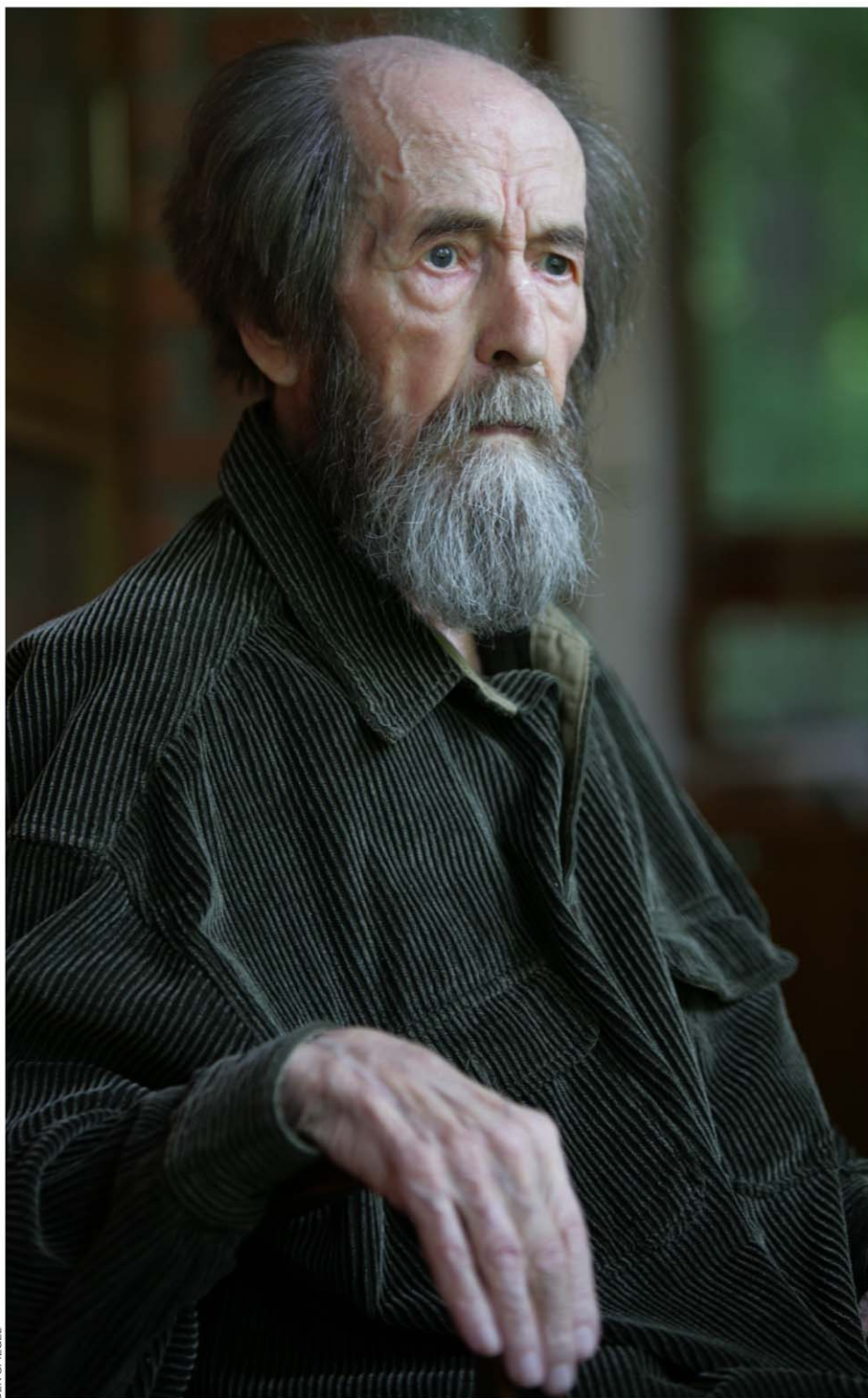

«Написано кровью»

Российский писатель Александр Солженицын о трагической истории своей страны, о неудачах реформаторов Горбачёва и Ельцина, о разочаровании в политике Запада и об отношении к жизни и смерти.

«Шпигель»: Александр Исаевич! Мы застали Вас как раз за работой. В Ваши 88 лет Вас, кажется, не покинуло ощущение, что Вы должны, обязаны работать, хотя здоровье не позволяет Вам свободно перемещаться по дому. Откуда Вы черпаете эту силу?

Солженицын: Внутренняя пружина была. От рождения была. Но я с удовольствием отдавался работе. Работе и борьбе.

«Шпигель»: Мы видим только здесь четыре письменных стола. В Вашей новой книге, которая в сентябре выходит в Германии, Вы вспоминаете, что писали даже во время прогулок в лесу.

Солженицын: Когда я в лагере был, то я писал даже на каменной кладке. Я на клочке бумажки писал карандашом, потом содержание запомню и уничтожаю бумажку.

«Шпигель»: И эта сила не покидала Вас и в самые отчаянные моменты?

Солженицын: Да, казалось: как кончится, так и кончится. Что будет, то будет. А потом получалось, вроде что-то путное вышло.

«Шпигель»: Но вряд ли Вы так думали, когда в феврале 1945 года военная контрразведка в Восточной Пруссии арестовала капитана Солженицына. Потому что в его письмах с фронта были нелестные высказывания о Иосифе Сталине. И за это — восемь лет лагерей.

Солженицын: Это было южнее Вормдита. Мы только выбрались из немецкого котла и прорывались к Кенигсбергу. Тогда меня и арестовали. Но оптимизм у меня всегда был. Как и убеждения, которые толкали меня.

«Шпигель»: Какие убеждения?

Солженицын: Конечно же, они с годами развивались. Но я всегда был убеждён в том, что совершал, и никогда не шёл против своей совести.

«Шпигель»: Александр Исаевич, когда Вы 13 лет назад вернулись из изгнания, происходившее в новой России Вас разочаровало. Вы отклонили Государственную премию, которую Горбачёв предложил Вам. Вы отказались принять орден, которым хотел наградить Вас Ельцин. А сейчас Вы приняли Государственную премию России, которую Вам присудил Путин, некогда глава той спецслужбы,

службы — и ни в какой стране не порицаемы, а то и хвалимы. Не ставилась же в укор Джорджу Бушу-старшему его прошлая позиция главы ЦРУ.

«Шпигель»: Всю Вашу жизнь Вы призывали власть к покаянию за миллионы жертв ГУЛАГа и коммунистического террора. Был ли Ваш призыв по-настоящему услышан?

Солженицын: Я уже привык, что публичное покаяние — везде в современном человечестве — самое неприемлемое действие для политических фигур.

«Шпигель»: Нынешний президент России называет распад Советского Союза крупнейшей геополитической катастрофой XX века. Он говорит, что пора заканчивать самоедское копание в прошлом, тем более что извне предпринимаются попытки пробудить у россиян необоснованное чувство вины. Разве это не пособничество тем, кто и без того хочет, чтобы забылось всё, что происходило во времена Советов внутри страны?

Солженицын: Ну Вы же видите, что и повсюду в мире растёт тревога: как Соединённые Штаты, ставшие в результате геополитических изменений единственной сверхдержавой, справятся со своей новой, монополюсно-ведущей мировой ролью. — Что касается «копания в прошлом», то, увы, — то самое отождествление «советского» с «русским», против которого я столь часто выступал ещё в 1970-е годы, не изжито и сегодня — ни на Западе, ни в странах бывшего соцлагеря, ни в бывших республиках СССР. Старое поколение политиков в коммунистических странах оказалось не готово к покаянию, зато новое поколение политиков вполне готово предъявлять претензии и обвинения — и самой удобной для себя мишенью выбирают сегодняшнюю Москву. Как будто они героически освободили сами себя и вот живут новой жизнью, а Москва осталась коммунистической.

Однако смею надеяться, что эта нездоровая стадия скоро пройдёт, и все народы, испытавшие на себе коммунизм, осознают именно в нём виновника столь горького пятна своей истории.

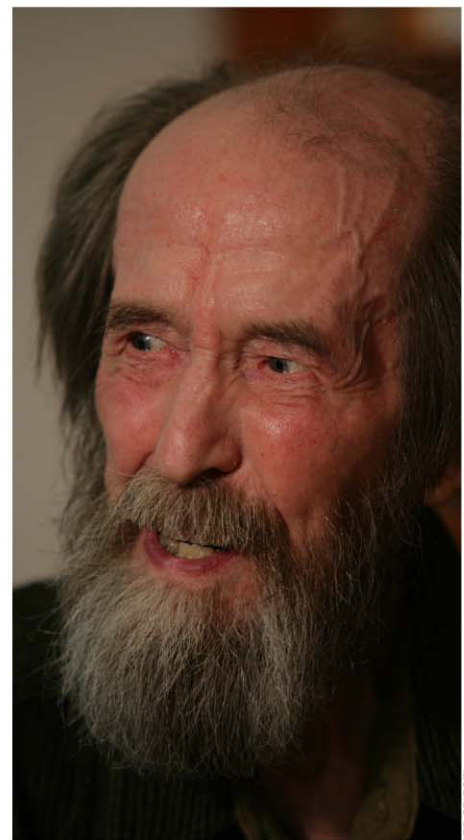
«Шпигель»: Включая русских.

Солженицын: Если бы мы все смогли посмотреть на собственное прошлое трезво, то у нас в стране отпала бы ностальгия по советскому строю, которую проявляет менее пострадавшая часть общества, а у стран Восточной Европы и бывших советских республик — желание видеть источник всех зол в историческом пути России. Не надо никогда личные злодеяния отдельных вождей или политических режимов ставить в вину российскому народу и его государству или приписывать их «больной психологии» русского народа, как это нередко делается на Западе. Эти режи-

мы смогли держаться в России, только опираясь на кровавый террор. И вполне очевидно: лишь чувство осознанной, добровольно признанной вины может быть залогом выздоровления нации. В то время как несмолкающие упреки извне скорее контрпродуктивны.

«Шпигель»: Признание вины предполагает достаточное количество сведений о собственном прошлом. Историки, однако, упрекают Москву в том, что архивы перестали быть такими доступными, как в 90-е годы.

Солженицын: Вопрос непростой. Беспорен, однако, факт, что за последние 20 лет в России произошла архивная революция. Открыты тысячи фондов, исследователи получили доступ к сотням тысяч документов, прежде для них закрытых. Уже опубликованы и готовятся к печати сотни монографий, выносящих эти документы на всеобщее обозрение. Но помимо открытых — в 90-е годы были опубликованы и многие документы, не прошедшие процедуру рассекречивания. Так действовали, например, военный историк Дмитрий Волкогонов, бывший член Политбюро Александр Яковлев — люди, имевшие и немалое влияние, и доступ к любым архивам, — и обществу благодарно им за ценные публикации. А в последние годы, действительно, обойти процедуру рассекречивания никому больше не удаётся. Идёт же эта процедура — медленнее, чем бы хотелось.

предшественница которой так жестоко преследовала и травила Вас. Как всё это рифмуется?

Солженицын: В 1990 году мне была предложена — отнюдь не Горбачёвым, а Советом министров РСФСР, входившей в состав СССР, — премия за книгу «Архипелаг ГУЛАГ». Я отказался потому, что не мог принять лично себе почёт за книгу, написанную кровью миллионов. В 1998 году, в низжайшей точке бедственного народного положения, в год, когда я выпустил книгу «Россия в обвале», — Ельцин лично распорядился наградить меня высшим государственным орденом. Я ответил, что от Верховной Власти, доведшей Россию до гибельного состояния, награды принять не могу.

Нынешняя Государственная премия присуждается не лично Президентом, а высоким экспертным сообществом. В Совет по Науке, который выдвинул меня на эту премию, и в Совет по Культуре, который поддержал это выдвижение, входят самые авторитетные в своих областях, высокоуважаемые люди страны. Будучи первым лицом государства, Президент вручает эту премию в день национального праздника. Принимая награду, я выразил надежду, что горький российский опыт, изучению и описанию которого я отдал всю жизнь, предупредит нас от новых губительных срывов.

Владимир Путин — да, был офицером спецслужб, но он не был ни следователем КГБ, ни начальником лагеря в ГУЛАГе. Международные же, «внешние»

DER SPIEGEL

Тем не менее, материалы, содержащиеся в Государственном Архиве Российской Федерации (ГАРФе), главном и богатейшем архиве страны, — остаются сегодня столь же доступны, как и в 90-е годы. В конце 90-х ФСБ передала в ГАРФ 100 тысяч судебно-следственных дел, — и они по-прежнему открыты и для частных граждан, и для исследователей. В 2004—2005 годах ГАРФ опубликовал документальную «Историю сталинского ГУЛАГа» в 7-ми томах. Я сотрудничал с этим изданием и свидетельствую, что оно максимально полное и достоверное. Им широко пользуются учёные всех стран.

«Шпигель»: Прошло уже почти 90 лет с того времени, как Россию потрясли сперва Февральская, а затем и Октябрьская революции — события, красной нитью проходящие через Ваши произведения. Несколько месяцев назад Вы в большой статье подтвердили Ваш тезис: коммунизм не был порождением прежнего российского режима, а возможность большевистского переворота была создана лишь правительством Керенского в 1917 году. Сообразно этому ходу размышлений, Ленин был всего лишь случайной фигурой, попавшей в Россию и сумевшей захватить власть лишь при

содействии немцев. Мы верно Вас понимаем?

Солженицын: Нет, неверно. Превратить возможность в действительность — под силу лишь экстраординарным личностям. Ленин и Троцкий были ловчайшими, энергичными деятелями, сумевшими вовремя использовать беспомощность правительства Керенского. Но поправлю Вас: «Октябрьская революция» — это миф, созданный победившим большевизмом и полностью усвоенный прогрессистами Запада. 25 октября 1917 года в Петрограде произошёл односуточный насильственный переворот, методически и блистательно разработанный Львом Троцким (Ленин в те дни ещё скрывался от суда за измену). То, что называется «Российская революция 1917 года», — есть революция Февральская. Её движущие причины — действительно вытекали из дореволюционного состояния России, и я никогда не утверждал иного. У Февральской революции были глубокие корни (что я и показываю в моей эпопее «Красное Колесо»). Это, в первую очередь, — долгое взаимное ожесточение образованного общества и власти, которое делало невозможным никакие компромиссы, никакие конструктивные государствен-

ные выходы. И наибольшая ответственность — конечно на власти: за крушение корабля — кто отвечает больше капитана? Да, предпосылки Февраля можно считать «порождением прежнего российского режима».

Но отсюда никак не следует, что Ленин был «случайной фигурой», а денежное участие императора Вильгельма — несущественным. В Октябрьском перевороте не было ничего органичного для России, — напротив, он перешиб её хребет. Красный террор, развязанный его вождями, их готовность утопить Россию в крови — первое и ясное тому доказательство.

«Шпигель»: Вашим двухтомником «200 лет вместе» Вы недавно предприняли попытку преодолеть табу, долгие годы запрещавшее обсуждать совместную историю русских и евреев. Эти два тома вызвали на Западе скорее недоумение. Там Вы в подробностях описываете, как в царское время еврей-трактирщик обогащался, используя нищету пьющих крестьян. Вы называете евреев передовым отрядом мирового капитала, шедшим в первых рядах разрушителей буржуазного строя. Из Ваших богатейших источников действительно извлекается вывод, что евреи больше, чем

С женой
Натальей
Дмитриевой

другие, несут моральную ответственность за провалившийся эксперимент с Советами?

Солженицын: Я как раз не делаю того, на что намекает Ваш вопрос: не призываю к какому-либо взвешиванию или сравнению моральной ответственности одного и другого народа, и тем более отрицаю ответственность одного народа *перед* другим. Весь мой призыв — к *само-осмыслению*. В самой книге Вы можете получить ответ на Ваш вопрос:

«...Приходится каждому народу морально отвечать за всё своё прошлое — и за то, которое позорно. И как отвечать? Попыткой *осмыслить* — почему такое было допущено? в чём здесь *наша* ошибка? и возможно ли это опять? В этом-то духе еврейскому народу и следует отвечать и за своих революционных головорезов, и за готовые шеренги, пошедшие к ним на службу. Не перед другими народами отвечать, а перед собой и перед своим сознанием, перед Богом. — Как и мы, русские, должны отвечать и за погромы, и за тех беспощадных крестьян-поджигателей, за тех обезумевших революционных солдат, и за зверей-матросов».

«Шпигель»: Наибольший резонанс вызвал, как нам кажется, «Архипелаг ГУЛАГ». В этой книге показана человеконенавистническая природа советской диктатуры. Сегодня, обращая взор назад, можно ли сказать, насколько это способствовало тому, что коммунизм потерпел поражение во всём мире?

Солженицын: Это вопрос не ко мне — не автор должен давать такие оценки.

«Шпигель»: Мрачный опыт XX века Россия взяла на себя и пережила — здесь мы цитируем Вас по смыслу — как бы во имя всего человечества. Смогли россияне извлечь уроки из двух революций и их последствий?

Солженицын: Такое впечатление, что начинают извлекать. Огромное число публикаций и фильмов о российской истории Двадцатого века (правда, неровного качества) свидетельствуют о нарастающем спросе. Вот только что — страшную, жестокую, ничуть не смягчённую правду о сталинских лагерях показывал миллионм людей государственный канал «Россия» — в телесериале по прозе Варлама Шаламова.

И, например, я был удивлён и впечатлён горячностью, размахом и длительностью дискуссии, возникшей после опубликования в феврале этого года моей старой статьи о Февральской революции. Широкий спектр мнений, в том числе несогласных с моим, — радует меня, ибо наконец-то показывает живое желание понять собственное прошлое, без чего осмысленного пути в будущее не может быть.

«Шпигель»: Как Вы оцениваете время, в течение которого у власти находится президент В.В. Путин, — в сравнении с его предшественниками, президентами Б.Н. Ельциным и М.С. Горбачёвым?

Солженицын: Горбачёвское правление поражает своей политической наивностью, неопытностью и безответственностью перед страной. Это была не власть, а бездумная капитуляция её. Ответные восторги с Запада только подкрепили картину. Но надо признать, что именно Горбачёв (а не Ельцин, как теперь звучит повсеместно) впервые дал гражданам нашей страны свободу слова и свободу перемещения. Ельцинская власть характеризовалась безответственностью перед народной жизнью не меньшей, только в других направлениях. В безоглядной поспешности скорей, скорей установить частную собственность вместо государственной — Ельцин разнуздан в России массовое, многомиллиардное ограбление национальных достояний. Стремясь получить поддержку региональных лидеров — он прямыми призывами и действиями подкреплял, подталкивал сепаратизм, развал Российского государства. Одновременно лишая Россию и заслуженной ею исторической роли, её международного положения. Что вызывало не меньшие аплодисменты со стороны Запада.

Путину досталась по наследству страна разграбленная и сшибленная с ног, с деморализованным и обнищавшим большинством народа. И он принялся за возможное — заметим, постепенное, медленное, — восстановление её. Эти усилия не сразу были замечены и, тем более, оценены. И можете ли Вы указать примеры в истории, когда меры по восстановлению крепости государственно-го управления встречались благожелательно извне?

«Шпигель»: То, что стабильная Россия и Западу выгодна, постепенно стало ясно для всех. Но одно обстоятельство нас

удивляет более всего. Всякий раз, когда речь заходила о правильном для России государственном устройстве, Вы выступали за гражданское самоуправление, противопоставляя эту модель западной демократии. После семи лет правления Путина мы наблюдаем движение в совершенно противоположном направлении: власть сосредоточена в руках президента, всё ориентировано на него; оппозиции почти не осталось.

Солженицын: Да, я неизменно настаивал и настаиваю на необходимости для Рос-

Я и сегодня весьма удручен той медленностью и неумелостью, с какой происходит у нас выстраивание местного самоуправления. Но оно всё-таки происходит, и, если в ельцинские времена возможности местного самоуправления фактически блокировались на законодательном уровне, то сейчас государственная власть, по всей её вертикали, делегирует всё большее число решений — на усмотрение местного населения. К сожалению, это ещё не носит системного характера.

сии местного самоуправления, при этом несколько не «противопоставляя эту модель западной демократии», напротив — убеждая своих сограждан примерами высокоэффективного самоуправления в Швейцарии и Новой Англии, которые я наблюдал своими глазами.

Но Вы смешиваете в Вашем вопросе местное самоуправление, возможное только на самом низшем уровне, где люди лично знают избираемых ими управителей, — с региональной властью нескольких десятков губернаторов, которые в ельцинский период вместе с центром дружно давили любые начала местного самоуправления.

Оппозиция? — несомненно нужна и желаемая всеми, кто хочет стране здорового развития. Сейчас, как и при Ельцине, в оппозиции разве что коммунисты. Однако, говоря «оппозиции почти не осталось» — Вы конечно имеете в виду демократические партии 90-х годов? Но взгляните же непредвзято: если все 90-е годы происходило резкое падение жизненного уровня, затронувшее три четверти российских семей, и всё под «демократическими знамёнами», — то ничего удивительного, что население отхлынуло из-под этих знамён. А сейчас лидеры тех партий — всё никак не могут поделить

DER SPIEGEL

С сыном Степаном

портфели воображаемого теневого правительства.

К большому сожалению, в России ещё нет конструктивной, внятной и многочисленной оппозиции. Очевидно, что для её формирования, как и для зрелости других демократических институтов, понадобится больше времени и опыта.

«Шпигель»: Во время нашего последнего интервью Вы критиковали, что в Думе сидело лишь около половины депутатов, избранных напрямую, а доминирующее положение занимали представители политических партий. После проведенной Путиным реформы избирательной системы прямых мандатов не осталось вовсе. Это ведь шаг назад!

Солженицын: Да, я считаю это ошибкой. Я убеждённый и последовательный критик «партийного парламентаризма» и сторонник внепартийности избрания подлинных народных представителей, лично ответственных перед своими регионами, округами и могущих быть, при неудовлетворительной деятельности, отозванными со своих депутатских постов. Я уважаю, понимаю сущность объединений хозяйственных, кооперативных, территориальных, учебных, образовательных, профессиональных, производственных — но не вижу органичности в политических партиях:

связь по политическим убеждениям может быть и не стойка, а часто и не безкорыстна. Лев Троцкий (в период Октябрьского переворота) метко выразился: «Ничего не стоит та партия, которая не ставит своей целью захват власти». Речь — о выгоде *для себя*, за счёт остального населения. Как и захват власти безоружный. Голосование по безликим партийным программам, названиям партий — фальшиво подменяет единственный достоверный выбор *народного представителя*: именного кандидата — именным избирателем. (В этом — и весь смысл «народного представительства».)

«Шпигель»: Несмотря на высокие объёмы выручки от экспорта нефти и газа и на формирование среднего класса, социальные контрасты между бедными и богатыми в России остаются огромными. Что можно сделать, чтобы исправить положение?

Солженицын: Считаю разрыв между бедными и богатыми в России — опаснейшим явлением, требующим неотложного внимания государства. Но, хотя многие баснословные состояния были созданы в ельцинский период бессовестным грабительством, сегодня единственный разумный способ исправления ситуации — это не разрушать крупные предприятия, которыми, надо признать,

нынешние владельцы стараются управлять более эффективно, а дать возможность дышать средним и мелким. А значит — защищать гражданина и мелкого предпринимателя от произвола, от коррупции. Вкладывать выручку от народных недр в народное хозяйство, в образование, в здравоохранение — и научиться делать это без позорных краж и растрат.

«Шпигель»: Нужна ли России национальная идея, и как она может выглядеть?

Солженицын: Термин «национальная идея» не имеет чёткого научного содержания. Можно согласиться, что это — когда-то популярная идея, представление о желаемом образе жизни в стране, владеющее её населением. Такое объединительное представление-понятие может оказаться и полезным, но никогда не должно быть искусственно сочинено в верхах власти или внедрено насильственно. В обозримые исторические периоды подобные представления устоялись, например, во Франции (после XVIII века), Великобритании, Соединённых Штатах, Германии, Польше и др. и др.

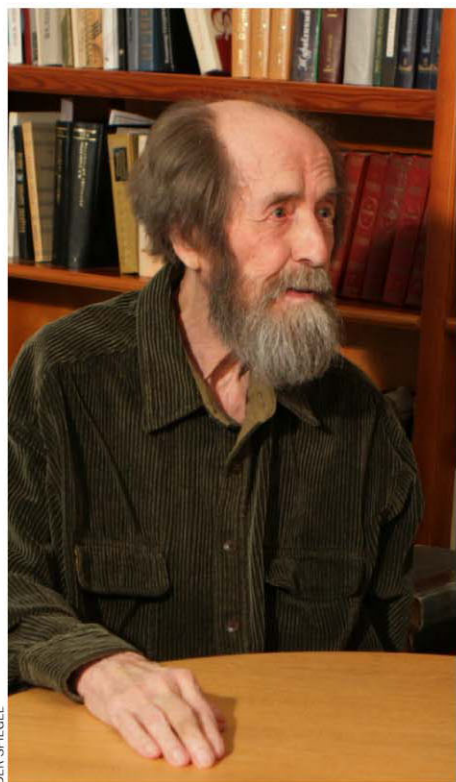
Когда дискуссия о «национальной идее» довольно поспешно возникла в посткоммунистической России, я пытался охладить её возражением, что, после всех пережитых нами изнуря-

тельных потерь, — нам на долгое время достаточно задачи *Сбережения гибнущего народа*.

«Шпигель»: При всём этом Россия нередко чувствует себя одинокой. В последнее время произошло некоторое отрезвление в отношениях России и Запада, в том числе — и в отношениях между Россией и Европой. В чём причина? В чём Запад не способен понять современную Россию?

Солженицын: Причин можно назвать несколько, но мне интереснее всего психологические, а именно: расхождение иллюзорных надежд — и в России, и на Западе — с реальностью.

Когда я вернулся в Россию в 1994, я застал здесь — почти обожевствие Западного мира и государственного строя разных его стран. Надо признать, что в этом было не столько действительного знания и сознательного выбора, сколько естественно-отвращения от большевицкого режима и его антизападной пропаганды. Обстановку сначала поменяли жестокие НАТОвские бомбежки Сербии. Они провели чёрную, неизгладимую черту — и справедливо будет сказать, что *во всех* слоях российского общества. Затем положение усугубилось шагами НАТО по втягиванию в свою сферу частей распавшегося СССР, и особенно чувствительно — Украины, столь родственной нам через миллионы живых конкретных семейных связей. Они могут быть в одночасье разрублены новой границей военного блока.

Итак, восприятие Запада как, по преимуществу, Рыцаря Демократии — сменилось разочарованной констатацией, что в основе западной политики лежит прежде всего прагматизм, зачастую корыстный, циничный. Многими в России это переживалось тяжело, как крушение идеалов.

В то же время Запад, празднуя конец изнурительной Холодной войны и наблюдая полтора десятка лет горбачёвско-ельцинскую анархию внутри и сдачу всех позиций вовне, — очень быстро привык к облегчительной мысли, что Россия теперь — почти страна Третьего мира, и так будет всегда. Когда же Россия вновь начала укреплаться, экономически и государственно, это было воспринято Западом — быть может, на подсознательном уровне ещё не изжитых страхов — панически.

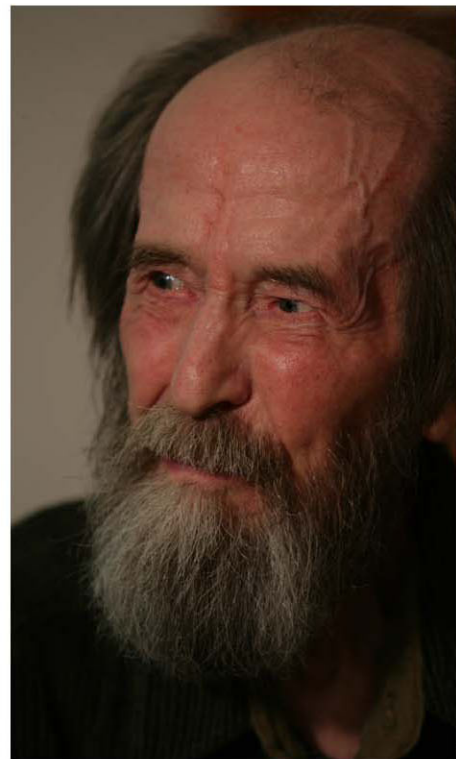
«Шпигель»: У него возникли ассоциации с прежней супердержавой — Советским Союзом.

Солженицын: Напрасно. Но ещё прежде того Запад позволил себе жить в иллюзии (или удобном лукавстве?), что в России — юная демократия, когда её ещё не было вовсе. Разумеется, Россия ещё не демократическая страна, она только начинала строить демократию, и ничего нет легче, как предъявить ей длинный список упущений, и нарушений, и заблуждений. Но разве в борьбе, которая началась и идёт после «11 сентября», не протянула Россия Западу руку, явно и недвусмысленно? — И только психологической неадекватностью (либо провальной неадекватностью?) можно объяснить иррациональное отталкивание этой руки. США, приняв важнейшую нашу помощь в Афганистане, тут же обернулись к России всё только с новыми и новыми требованиями. А претензии к России Европы почти нескрываемо коренятся в её энергетических страхах, к тому же необоснованных.

Это отталкивание России Западом — не слишком ли большая роскошь, особенно перед лицом новых угроз? В своём последнем интервью на Западе перед возвратом в Россию (в апреле 1994, журналу «Форбс») я сказал: «Если смотреть далеко в будущее, то можно прозреть в XXI веке и такое время, когда США вместе с Европой ещё сильно возмущаются в России как в союзнице».

«Шпигель»: Вы читали Гёте, Шиллера и Гейне в подлинниках и всегда надеялись, что Германия станет чем-то вроде моста между Россией и остальным миром. Вы верите, что немцы ещё способны играть эту роль сегодня?

Солженицын: Верю. Во взаимной тяге Германии и России есть нечто предопреде-

лённое — иначе она не пережила бы двух безумных Мировых войн.

«Шпигель»: Кто из немецких поэтов, писателей и философов оказал на Вас самое сильное влияние?

Солженицын: Моё детское и юношеское становление сопровождали Шиллер и Гёте. Позже испытал я увлечение Шеллингом. И для меня драгоценна великая немецкая музыка. Я не представляю свою жизнь без Баха, Бетховена, Шуберга.

«Шпигель»: На Западе сегодня о современной российской литературе практически ничего не знают. Какой Вам видится ситуация в российской литературе?

Солженицын: Время стремительных и кардинальных перемен — никогда не лучшее для литературы. Не только великие, но хотя бы значительные литературные произведения почти всегда и почти всюду создавались во времена стабильности — доброй или дурной, но стабильности. Современная российская литература — не исключение. Недаром сегодня в России просвещённый читательский интерес переместился к литературе факта: мемуары, биографии, документальная проза.

Я верю, однако, что справедливость и совесть не выветрятся из основы русской литературы и она ещё послужит высветлению нашего духа и глубине понимания.

«Шпигель»: Через всё Ваше творчество проходит мысль о влиянии православия на русский мир. Как сегодня обстоят дела с моральной компетенцией русской православной

церкви? Нам представляется, что она вновь превращается в государственную церковь, каковой она была столетия назад — институтом, фактически легитимировавшим кремлёвского властелина в качестве наместника Божия.

Солженицын: Напротив, надо удивляться, как за короткие годы, прошедшие со времён *тотальной подчинённости* Церкви коммунистическому государству, ей удалось обрести достаточно независимую позицию. Не забывайте, какие страшные человеческие потери несли Русская Православная Церковь почти весь Двадцатый век. Она только-только встаёт на ноги. А молодое постсоветское государство — только-только учится уважать в Церкви самостоятельный и независимый организм. «Социальная Доктрина» Русской Православной Церкви идёт гораздо дальше, чем программы правительства. А в последнее время Митрополит Кирилл, виднейший выразитель церковной пози-

ции, настойчиво призывает, например, изменить систему налогообложения, уж совсем не в унисон с правительством, — и делает это публично, на центральных телеканалах.

«Легитимация кремлёвского властелина»? Вы, очевидно, имеете в виду отпевание Ельцина в кафедральном Соборе и отказ от гражданской церемонии прощания?

«Шпигель»: И это тоже.

Солженицын: Что ж, это был, вероятно, единственный способ сдержать, избежать при похоронах возможных проявлений ещё не остывшего народного гнева. Но я не вижу никаких оснований рассматривать это как утверждённый на будущее протокол похорон российских президентов.

А что касается прошлого — Церковь возносит *круглосуточные* заупокойные молитвы по жертвам коммунистических расстрелов в подмосковном Бутово, на Соловках и в других местах массовых захоронений.

«Шпигель»: В 1987 году в беседе с основателем «Шпигеля» Рудольфом Аугштейном Вы отмечали, насколько сложно во всеуслышание говорить о своём отношении к религии. Что значит вера для Вас?

Солженицын: Для меня вера — это основа и укрепа личной жизни человека.

«Шпигель»: Вы боитесь смерти?

Солженицын: Нет, уже давно не испытываю перед смертью никакого страха. Вот в юности надо мной реяла ранняя смерть моего отца (в 27 лет) — и я боялся умереть прежде, чем осуществлю свои литературные замыслы. Но уже между моими 30 и 40 годами я обрёл самое спокойное отношение к смерти. Ощущаю её как естественную, но вовсе не конечную веху существования личности.

«Шпигель»: Мы во всяком случае желаем Вам ещё многие лета творческой жизни!

Солженицын: Нет, нет. Не надо. Достаточно.

«Шпигель»: Александр Исаевич! Мы благодарим Вас за эту беседу. ◆

